

ГЛАВА 1

Январский мороз привычно игнорировал теплую одежду, пробираясь, казалось, в самое нутро. До официального окончания самоназначенного отпуска было еще несколько дней, но телефонный звонок от потенциального клиента заставил меня ехать в офис через холодную серость среднерусской зимы и позднесоветской застройки. В это время года в Тарасов не стоило вглядываться. То немного, что уцелело от купеческого прошлого городка, теперь сиротливо ютилось между хрущевками и новостроящимся предпринимательского бума девяностых.

На крыльце меня ждала женщина лет примерно пятидесяти в цигейковом полушубке и ее дочь в ярком необъятном пуховике, какие сейчас носила молодежь. Девочке было не больше восемнадцати. Красные заплаканные глаза, дерганые движения и усталость в осанке — все это указывало на сильные переживания.

— Помогите нам, пожалуйста! — Она всхлипнула и замолчала, видимо, стараясь не расплакаться, когда за нами закрылась дверь кабинета.

— Понимаете, — вступила в разговор ее мать. — Кирилл, молодой человек Аси, погиб в новогоднюю ночь. Полиция считает, что это несчастный случай.

— Это не так, его убили! — На этот раз девушка всхлипнула громче и, уже не стесняясь, позволила себе слезы.

— И что заставляет вас считать, что это было убийство? — Не то чтобы мне не нравилось мозолить глаза бывшим коллегам, но в ближайшие планы поход в прокуратуру не входил определенно.

— Кирюша был очень хорошим мальчиком. Правильным таким. Мне он нравился. А в полиции нам сказали, что когда они с компанией праздновали, то все употребляли, и алкоголем дело не ограничилось. Якобы он вышел на мороз и замерз насмерть, — женщина рассказывала, не прекращая поглаживать по спине дочь.

— Он не наркоман! И он не пил вообще! — горячо возражала Ася.

— Это правда, — подтвердила мать. — Он в этом плане был очень надежным. Ни к чему не прикасался.

— А вы, — обратилась я к девушке, — были рядом с ним в ту ночь?

— Нет, — куда-то в платок простонала девушка. — Я с ангиной свалилась в тот день. Кирюха хотел все отменить, но я не дала. Праздновали у него в коттедже. Дура! Не надо было его пускать!

— Мы вас очень просим, — женщина поджала губы, но, осмелев, продолжила: — Чтобы расследование Кирюшиной гибели не пустили на самотек. В полиции нас не стали слушать. Сами понимаете, как это выглядит. — Женщина снова погладила дочь. — Я просто хочу сказать, что Кирилл был слишком ответственным для такой смерти. Поэтому в голове не укладывается, что он мог так запросто оказаться на морозе.

Я согласилась взяться за это дело, мало-душно полагая, что, скорее всего, версия следствия верна. Просто хотелось как-то утешить девушку, чтобы этот печальный эпизод остался в прошлом. В конце концов, никто из нас не застрахован от нелепой смерти, каким бы ответственным и собранным ни был человек.

Кирилл оказался студентом четвертого курса Педагогического института. Будущий педагог-психолог рос сиротой. Ему было четырнадцать, когда родители погибли в авто-

катастрофе. С тех самых пор он воспитывался дядей со стороны матери. Последний год часто жил у Аси, поэтому ее мама, Алевтина Ивановна, так хорошо узнала его.

— А дядя Кирилл тоже не согласен с выводами следствия? — не стоило идти вразрез с желаниями семьи.

— Александр Николаевич очень сложный человек, — не сразу ответила женщина. — Мы почти не разговаривали о случившемся. Честно говоря, я не знаю как. Он не из тех людей, к кому можно просто подойти и поделиться тем, что тебя мучает.

Напоследок я попросила Асю приготовить оставшиеся у нее вещи Кирилла, фотографии, записки — все, что могло помочь мне понять характер молодого человека. Я понадеялась, что в домашней обстановке рассказ о Кирилле дастся ей легче.

В прокуратуру ехать не хотелось, но другого выхода у меня не было. В негласной войне частников и работников официальных правоохранительных органов преимущество было за последними. Честь мундира блюлась строго, и к бывшим коллегам там относились настороженно.

У пропускного пункта стоял Киря, отдавал распоряжения и периодически что-то кричал куда-то в глубь коридора.

— Владимир Сергеевич, добрый день! — отрапортовала я.

— Таня? А ты чего здесь? — Лицо мужчины светилось послепраздничным довольством. — Проходи давай. Ты ко мне?

— Увы, Киря, я иду к Папазяну.

— Иванова, ты совсем жить спокойно не любишь?

— И насколько не люблю, Кирь?

— Ненавидишь, — заключил подполковник.

— Он снова одинок? — обреченно предположила я.

— Кабинет тебе известен, — отчеканил Киря голосом родителя, отчитывающего ребенка.

Не то чтобы мне не нравился Гарик. Он хороший следователь и неглупый человек, но подчеркнуто навязчивое внимание с его стороны ко всему женскому полу, независимо от возраста и социального статуса, изрядно утомляло.

Его кабинет располагался справа от лестницы на втором этаже. Через открытую дверь до меня доносились обрывки телефонного разговора.

— Здравствуй, Гарик! — Моя сумка громче, чем планировалось, упала на стул перед ним.

— Вы только посмотрите, кто пришел — очаровательная динамщица! Ты ошиблась дверью или сегодня самый счастливый день в моей жизни? — Он вскочил с места, порываясь обнять меня.

— Остынь, ретивый! — препираться с Гариком можно было бесконечно. — Кажется, мы с тобой теперь работаем над одним делом, а у коллег в чести субординация.

— Ты полегче тут, с выражениями, — он добродушно хмыкнул. — Дай угадаю, ты по делу Зябликова пришла? Его девушка всю прошлую неделю здесь торчала.

— Ася, да. А что, она не права в своих подозрениях? — Я решила действовать аккуратно.

— Не то чтобы совсем не права, но и улики, наверняка указывающих на убийство, пока нет, либо они косвенные. Ждем токсикологию на следующей неделе. Скажи лучше, насколько тесное сотрудничество ты со мной планируешь? — Он никогда не сдавался.

— Настолько, чтобы тебе не было мучительно больно, когда ты решишь справить малую нужду.

— Угроза при исполнении... Иванова, да ты никак флиртуешь! — Я даже позавидовала тому, как легко было сделать этого человека счастливым.

— Папазян, блин! Дай мне, пожалуйста, ознакомиться с делом, а я взамен обещаю держать тебя в курсе, если что-нибудь интересное накопаю. Идет?

— Давай так: я заезжаю за тобой часиков в семь и мы идем кутить куда пожелаешь.

— Слишком долго, — я была неумолима. — Прямо сейчас! Ты, я, в родной столовке за котлетой с пюре. У тебя есть минута на обдумывание и возможность соблазнить меня в предложенных условиях. Но предупреждаю сразу: без дела Зябликова шансов у тебя нет.

— А с ним, значит, есть? — крикнул он мне вслед.

Прокурорская столовая ничем не отличалась от всех прочих столовых в Тарасове, да и по всей России. У раздаточного стола уже образовалась небольшая очередь. В меню был традиционный суп, что-то мясное, пара гарниров и салатов на выбор. Женская часть коллектива брала выпечку, мужская — дополнительную котлету. Запах кислой капусты и прогорклого масла будил первые воспоминания о детсадовской кухне и школьном питании, заставляя внутренне собраться. Если на земле и было более неподходящее для романтики место, то вот оно!

Я заняла стол у окна, нагрузив поднос всем, чем планировала, и компотом на сладкое.

— А почему не кофе? — удивился Папазян, когда спустя десять минут все же решил присоединиться ко мне за обедом.

— Потому что кофе должен быть настоящим, а не тем, что из него пытаются сделать здесь, — поведала я.

— Ну, у нас на этаже автомат поставили, — похвастался Гарик, чем тут же заслужил мое презрение.

— Папазян, варка кофе — процесс медитативный, не терпящий суеты, интимный, если хочешь. Это же почти приворотное зелье. А ваши автоматы и растворимая бурда сделали из него гастрономический ширпотреб. Давай дело! — скомандовала я, пока Гарик, бдительность которого слегка притупилась моей лекцией, ковырялся в печеночном салате.

Я увидела фото с места происшествия. Кирилл лежал, завалившись на бок, в порванном полосатом свитере поверх футболки, неестественно откинув назад голову. Его нашли в двухстах метрах от дома, сразу за оградой.

— Почему так далеко от дома? Если он замерзал, не логично ли было стучать в двери, попытаться разбить окно? — начала я.

— Возможно, он был не в себе. В такие моменты с логикой не дружишь. Или он мог позвать на помощь соседей. — Гарик сделал паузу. — Хотя их коттедж стоял вдалеке от остальных домов. Всего несколько семей живут зимой в дачном поселке. Мы их опросили, они ничего не видели.

— Отчет о вскрытии?

— Пока только предварительный, ждем анализы. Можешь сама поговорить с судмедом, я тебе справку напишу, — голос мужчины стал вкрадчивым.

— Что в предварительном? Алкоголь, наркотики? — зацепилась я за фразу Папазяна «не в себе».

— Наркотики, Тань. Предположительно героин, точно будет ясно, когда анализы придут.

— Спасибо.

— Спасибо, Таня, вечером не приголубит, — он решил действовать напролом.

— Папазян, а я не старовата для тебя? — сохранять нейтралитет в общении с Гариком — это все равно что постоянно убирать с одежды кошачью шерсть: как бы тщательно ни чистил, она все равно вылезет.

— Так я ж тебя не замуж зову, — иных женщин честность Гарика обезоруживала.

— То-то и оно!

Мешкать не стоило, задумчивый Папазян был медлителен и сговорчив. Я так и не поняла, что в нашем разговоре заставило его резко сменить настрой от попыток позвать «в номера» до почти уютного молчания, но была благодарна. Показавшееся с первого взгляда тривиальным дело о подростковой безалаберности теперь мне виделось пусть и страшной, но увлекательной загадкой.

ГЛАВА 2

Городская Судмедэкспертиза располагалась в здании постройки пятидесятих годов прошлого века. Выкрашенный в серый фасад стиля сталинский ампир внушал обывателям священный ужас перед этим, как называли его сотрудники, «храмом смерти». Преодолев ступеньки и тяжелую дверь, я оказалась в маленьком вестибюле, выстроенном из гипсокартона, вразрез первоначальной планировке.

— Мне нужно к Осиченко, не подскажите, как его найти? — спросила я охранника, предъявляя документы.

Невысокий пожилой мужчина с пышными седыми усами посмотрел на распечатку списка всех служащих, висящую сбоку.

— В двести втором. Сейчас вот по лестнице на второй этаж и налево. Не заблудитесь.

Возле кабинета было пусто. Посетители ожидали своей очереди дальше по коридору.

— Можно? — сунула я голову в открытую дверь. — Мне нужен Осиченко Евгений Донатович. Я по поводу трупа.

— А к нам по другим поводам и не ходят, — хохотнул большой мужчина, неожиданно легко для своего веса поднимаясь из-за стола. — Минуточку, девушка, я его сейчас позову.

Он прошел в соседнее помещение и гулко, на весь коридор позвал коллегу: «Донатич! К тебе пришли!» После чего предложил пройти в кабинет и подождать уже там.

Спустя пару минут появился небритый мужчина, державшийся с достоинством, но источающий легкое коньячное амбре.

— Прошу прощения, у коллеги юбилей, — сказал он в оправдание своего вида. — Так вы из полиции?

— Почти, — я протянула ему справку с подписью Папазяна и удостоверение частного детектива.

— Интересно. — Он вернул документы. — Я слушаю вас, Татьяна Александровна. ■

— Я по делу Кирилла Зябликова. Видела ваш предварительный отчет, и у меня возникла пара вопросов. Вы сейчас можете назвать хотя бы предположительную причину смерти?

— Все еще сложно сказать, — начал он, авторитетно откашлявшись. — Я нашел патологические изменения в сердце и легочной ткани. Что их вызвало, покажет токсикологическая экспертиза. Пока ждем. Кроме того, юноша совершенно определенно был на морозе. Если посмотрите отчет, то увидите упоминание проталинки. Это значит, что он был еще теплым, когда оказался в снегу. Неизвестно, живым ли, но теплым определенно. На теле присутствуют ссадины и гематомы. Одна, очень большая, находится в затылочной части головы и заходит на переднюю поверхность шеи. На одежде не обнаружено посторонних следов. Интересно, что ботинок на мальчике был только один. Люди, умирающие от переохлаждения, в какой-то момент, испытывая непреодолимый жар, начинают стягивать с себя одежду, но никогда только один ботинок. Поза, в которой нашли Кирилла, больше напоминает положение упавшего при толчке. Например, при драке. Или

■ когда человек теряет сознание и какое-то

время катится, прежде чем остановиться. Люди, которые замерзают, укладываются, как будто собираются спать. Холод неспроста называют ласковым убийцей. Как видите, вопросов много у самого.

— А я могу увидеть тело или хотя бы осмотреть вещи? — не особо надеясь на успех, попросила я.

— А не заботитесь? — даже не думая отговаривать, вместо ответа спросил Евгений Донатович, по-ленински хитро сощурившись.

— Честное слово! — подхватила я.

Мы спустились в морг, на цокольный этаж. Широкие коридоры с низкими потолками и облупившейся плиткой тоскливого зеленого оттенка создавали соответствующее месту настроение.

— Вот, пожалуйста, — мужчина указал на стул в секционной. — Я скажу санитарам, его привезут. Пока вот вам, держите, — он протянул мне фартук и шапочку. Правила — они такие правила! Я облачилась в местную «униформу» и принялась ждать.

Помещение, где проводили вскрытия, отделялось небольшой ширмой с желтыми от кипячения в автоклаве простынями. Я сидела в смежной комнате, которую, насколько я могла судить, приспособили для бумажной работы.

Шкаф для одежды, полки со справочниками по патанатомии, халаты и клеенчатые фартуки, ожидающие своего часа, — почти все, что тут находилось. Был еще письменный стол, определенно знавший лучшие времена, заваленный раскрытыми тетрадами с таблицами данных. В углу деловито шумел системный блок, экран мигал, то «засыпая», то вновь возвращаясь в активный режим.

Наконец привезли тело. На металлическом столе, с грубым швом по всему туловищу после вскрытия, лежал Кирилл. На его теле были ссадины и синяки, которые вполне можно было списать на неудачное падение в нетрезвом виде. Однако огромная гематома на шее говорила о том, что парня кто-то крепко приложил перед смертью.

— А как бы вы убили человека, чтобы не попасться?

— Сейчас почти всегда попадетесь. Токсикология и алгоритмы исследования очень эволюционировали за последние лет пятнадцать. — Евгений Донатович быстро надел перчатки и приступил к демонстрации. — Но если все-таки играть в преступников, то я бы сделал пару инъекций, провоцирующих остановку дыхания или сердечного ритма, куда-нибудь, где бы это не заметили при вскрытии. Например,

в волосистую часть головы, подмышечную впадину или паховую область. — Он стал осторожно осматривать голову, стараясь не смещать скобы от трепанации.

— А если укол сделать в заранее травмированную область? — тоже надевая перчатки, спросила я.

— И тогда можно пропустить, — согласился он. — Но повторяю, то, что упустит судмедэксперт, не пропустит экспертиза тканей. Любая манипуляция имеет свой химический и физический след.

— Шея плохо выглядит. — Я слегка наклонилась для лучшего обзора. — Это не могло быть простым скоплением крови после смерти? Он же лежал на этом боку.

— Вы хорошо держитесь, — похвалил Евгений Донатович. — Действительно, посмертное скопление крови в тканях может выглядеть как обычный синяк, но в данном случае вполне очевидна травматизация тканей. Вот по какой причине это произошло — еще предстоит выяснить.

— Он совсем мальчишка, — неожиданно сказала я.

— Они сейчас все такие, — не отвлекаясь от осмотра, ответил мужчина. — Для современной молодежи вообще характерна некоторая инфантильность физическо-

го развития. А у нашего товарища ко всему была выраженная анемия. Уверен, это подтвердят анализы. Вам, кстати, — сказал он, снимая перчатки, — я бы тоже рекомендовал сдать кровь на гемоглобин.

— Это почему? — удивилась я.

— Бледность кожных покровов, синяки под глазами, наверняка вам постоянно холодно, а еще, и это самый верный признак, у вас светлые десны и язык. В норме они должны быть розовыми. — Он поднял палец, авторитетно подтверждая сказанное. — И можете не волноваться по поводу моей квалификации. Патологоанатомы и судмедэксперты — лучшие диагносты. Мы как терапевты, только картинка четче. Так что не тяните с лечением, иначе свалитесь в самый неподходящий момент без сознания где-нибудь.

— Спасибо. Учту.

Когда мы вернулись обратно, я посмотрела на руки Евгения Донатовича: он нежно толкнул болванчик, стоящий возле экрана.

— Что это? Профессиональный ритуал?

Голова павиана затряслась, вызывая произвольную улыбку у нас двоих.

— Отчасти. Это Хапи, бог бальзамирования у египтян. Кто-то из коллег принес.

С тех пор каждый раз после вскрытия он «танцует», — мужчина рассмеялся. — Сбрасываем напряжение. В нашей работе это необходимо.

— Пожалуй, — согласилась я. — Но вы не похожи на суеверного человека.

— Нет, конечно, я — убежденный материалист. Но человеку необходимо индивидуальное мифотворчество, чтобы не сойти с ума. В этом плане мы все язычники. Вот вы, Татьяна Александровна, как примиряетесь с реальностью? — Он снова хитро посмотрел на меня.

— Не знаю, — растерялась я. — Бросаю кости.

— Неплохо, — одобрил Евгений Донатович. — И что, сбывается?

— Почти всегда. Понятия не имею, как это работает, если честно. Я тоже не поклонница метафизики.

— А никакой метафизики и нет, — заявил он. — Просто ваша психика делает эти результаты верными. Только вы решаете, что скрывается за предсказанием.

Пока я выясняла детали, на улице поднялся ветер, бросая в лица прохожих колючий снег. Я подумала с тоской, что еще два часа — и извечную зимнюю тарасовскую серость накроют спасительные сумерки. ■

Зажжется иллюминация, и жить станет немножечко легче. Я колебалась всего секунду, раздумывая, насколько уместным будет явиться домой к Асе со свежими пирогами. Решив, что уж если не она, так хотя бы Алевтина Ивановна на один вечер будет избавлена от бытовых бдений, я отправилась в пекарню.

ГЛАВА 3

Район, где жили Ася с мамой, в Тарасове называли вторым центром. Крупнопанельные пятиэтажки строили в конце шестидесятых, и теперь эти маленькие дворики, огороженные плотной стеной из тополей и вязов, устало ждали своей последней пятилетки. Расселять старые дома, как и проводить капитальный ремонт, городские власти не спешили.

Дверь мне открыла Алевтина Ивановна. В маленькой прихожей, кроме металлической вешалки, забитой верхней одеждой сразу всех сезонов, стояла тумбочка на высоких ножках и стационарный телефон на ней. Заметив мою улыбку, Алевтина Ивановна поспешила объяснить:

— У меня пожилые родители, и пользоваться мобильным телефоном для них тяжело. Поэтому созваниваемся по старинке.

Кирилл очень любил этот аппарат. Он ведь совсем старый, еще с диском.

— Я приготовила вещи, — из комнаты вышла Ася. — Только вы не забирайте, пожалуйста, все, оставьте мне тоже немного.

— Я ничего и не планирую забирать. Вот, это вам, — я протянула матери кулек с выпечкой.

В комнате меня уже ждали вещи Кирилла. Он и Ася почти не расставались весь последний год. К лету должны были стать бакалаврами и попробовать свои силы в магистратуре, в Москве. Что делать теперь, девушка совершенно не представляла. В растерянности пребывала и ее мать.

— Кирилл был из обеспеченной семьи, но совсем не избалованный, — начала Алевтина Ивановна. — И в быту все умел делать. Они с Асей жили в ее комнате, и я никогда не слышала от него грубого слова. Он был очень интеллигентный мальчик. Однажды я слегла с бронхитом и за мной Ася ухаживала, так он, представляете, — женщина всхлипнула, — все хозяйство на себя взял. Готовил, убирал, ходил за лекарствами, развлекал нас.

— Тут его учебники и конспекты, — начала перечислять девушка. — Личные записи. А вот это, — она протянула мне флешку, — мы снимали этим летом, когда

отдыхали с друзьями. Почти все были на вечеринке в новогоднюю ночь.

— А можно мне поименный список и координаты? — попросила я, когда Ася, вытирая слезы, направилась к себе в комнату.

— Вам что-то удалось выяснить? — Алевтина Ивановна наклонилась ко мне, когда дочь закрылась в комнате.

— Почти ничего из того, что не сказали бы вам. Пока не будет результатов токсикологической экспертизы, что-то наверняка утверждать сложно. Не хочу ни обнадеживать вас, ни расстраивать еще больше.

— Понимаю, — согласилась женщина. — Думаю, после похорон нам всем станет легче. Как вы думаете?

— Наверняка. Нужно потерпеть, расследование идет, и, поверьте, идет без нарушений.

Пока Алевтина Ивановна суежилась над чаем, я рассматривала фотографии. На них были беззаботные Кирилл с Асей в учебных аудиториях или у друзей. Ничего, что могло бы навести хоть на какое-то подозрение относительно недругов Кирилла. Только упоение собственным счастьем и молодостью, когда кажется, что так, как сейчас, будет вечно.

М. Серова

■ Вернулась Ася со списком друзей.

— Какие отношения у Кирилла были с его дядей? — стоило прощупать почву перед ответственным знакомством.

— Кирилл его очень уважал, но каких-то задушевных отношений у них не было. Мне кажется, Александру Николаевичу вообще тяжело с кем-то сближаться, просто человек такой. Мне он сначала показался даже грубым, но это не так. Он очень прямой, не дипломат ни разу, но зато надежный. Хотя я до сих пор перед ним слегка робею, — грустно улыбнувшись, призналась девушка.

— Кирилл ни с кем не ссорился в последнее время? Как он ладил с людьми? — продолжала я.

— Нет, вы что! — Ася улыбнулась, и я готова была поклясться, что сделала это в первый раз за все то время, что она осталась одна. — Он же такой открытый был всегда и веселый. Знаете, по-доброму так. Он умел договариваться. Единственное, — девушка нахмурилась, припоминая что-то, — Кирилл не рассказывал, но я поняла, что он плохо расстался со своей бывшей девушкой. По крайней мере, ее брат часто что-то выяснял с Кириллом, но меня в это не посвящали.

— Чем Кирилл занимался помимо учебы? Может быть, где-то подрабатывал?

— У него были смены в музыкальном магазине на улице Республики. Он работал там еще со школы, очень любил это место. Может, слышали, самый старый магазин в городе? — обратилась ко мне Ася.

Конечно, я слышала о знаменитой «Грампластинке». Сама в свое время простаивала очереди, чтобы достать новенький альбом Боуи или Смитов. А уж когда подростковая ершистость уступила место неожиданным экспериментам, то вытащить из закровов записи шанхайского джаза или танцевальный джем двадцатых с характерным скрипучим присвистом считалось высшим пилотажем среди таких же двинутых товарищей.

Андрей до сих пор припоминал мне подаренный на двадцать третье февраля сборник шотландской волынки вместо ожидаемого другого культурного богатства гордых горцев — отменного виски. Но что поделать, если в тот момент крепкие напитки и однокурсники все еще плохо монтировались в моем сознании.

Я мысленно похвалила себя за пироги. За чаем, который, по мнению англичан, восстанавливает нормальность, Ася действительно слегка успокоилась и больше не вздрагивала от всхлипов, хотя глаза по-

прежнему были на мокром месте. Алевтина Ивановна просто тихо сидела и смотрела на дочь.

— Вы знаете пароли от социальных сетей Кирилла? — обратилась я к Асе.

— Что вы будете там искать? — насто-рожилась она.

— Все, что угодно. Мне нужны любые зацепки, чтобы начать строить версии. Кроме того, я хочу первой найти человека, у которого ваши товарищи купили наркотики.

Ася колебалась несколько секунд, но, решив, что потеря конфиденциальности уже произошла, согласно кивнула:

— Знаю. Как-то он говорил мне, — она написала пароль на бумаге. — Мне нужно было какое-то пособие для реферата прочитать. Оно было у Кирилла в закладках. Он и мои пароли знал. — Она глубоко вздохнула, чтобы побороть вновь подкатившие слезы.

Было около восьми вечера, когда я покинула их дом. Перед уходом я попросила Асю скопировать видео для себя. Мне предстоял вечер в социальных сетях с подставного аккаунта и внимательное изучение переписки Кирилла. Стоило крепко подумать обо всем, что я узнала сегодня. А кроме того, досадная усталость и озноб